

УДК 316.273

**ЭТНОСЫ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ
ТЕОРИИ ПОНИМАНИЯ А.А. БРУДНОГО**

О.М. Кондратова

Рассматриваются сложные процессы этнического взаимодействия, обусловленные воздействием глобализации.

Ключевые слова: этнос; глобализация; управляемый хаос; понимание; смысл.

**ETHNIC GROUPS IN GLOBALIZATION THROUGH
THE THEORY OF A.A. BRUDNY'S UNDERSTANDING**

O.M. Kondratova

The article deals with complex processes of ethnic interaction under the condition of globalization.

Keywords: ethnic groups; globalization; controlled chaos; understanding; meaning.

В одной из своих работ, правда по поводу, далекому от заданной темы, А.А. Брудный процитировал Д. Свифта: “Трудно выдумать безумство, слабость или порок, присущий какому-нибудь человеку и полностью отсутствующий в народе или собрании его представителей. Ибо... масса состоит из людей, со всеми их слабостями...” [1, с. 107].

В современном мире существование этносов обсуждается в очень широком спектре: от проблемы их нивелирования в условиях глобализации до проблемы их же восстания против нее. Разговор об этносах в контексте данной статьи направлен на осмысление места и роли различных народов в системе сложных процессов глобализирующегося мира. Сразу следует отметить, что автор придерживается не самой популярной точки зрения на проблему происхождения глобализации, считая, что она имеет не объективную, а технологичную природу. То есть за всеми теми процессами и явлениями, в которых выражаются и опредмечиваются контуры нового глобального порядка, автор склонен видеть не проявление непреложных законов и тенденций бытия, а реализацию субъективного и своеобразного своеволия стремящихся “...прибрать мир к рукам под лозунгом “иного не дано” [2, с. 12].

Для реализации замыслов и планов подобного масштаба необходимы совершенно особые способы и средства. Традиционные методы здесь очевидно не годятся. Мир нельзя победить в лобовой

атаке. Именно поэтому она заменяется информационно-психологической “лоботомией”. Военные операции проводятся точно, локально, с чрезвычайно тщательным предварительным расчетом, основной же акцент в процессе порабощения мира делается на информационные манипуляции с использованием самых разнообразных социо- и антропотехник. Одним из самых изощренных способов такого воздействия является реализация технологии управляемого хаоса, широко использующая этнографические, этнологические, социально-психологические и социально-антропологические знания о различных племенах, народах, нациях.

Для исследователей всех уровней и направлений очевидно, что противоречия, так жестко обострившиеся в первой четверти XXI в., своими корнями уходят в век XX, если не в XIX. Стремясь реализовать главные ценности проекта модерны, человечество старалось преодолеть все отжившее, ветхое, исчерпавшее себя, дабы вступить в грядущую эру обновленным, готовым к новым победам и свершениям на благо всех и каждого. Однако ни социальный, ни научно-технический прогресс так и не смогли разрешить базового противоречия социокультурного бытия человека, не смогли найти убедительного ответа на вопрос, почему народы, принадлежащие одному и тому же профанному времени, одновременно находятся как бы в разных исторических пределах. Одни буквально влачат первобытное существование в замкнутом цикле

собственной культурной традиции, другие интенсивно осваивают развитие сверхсложных технологий, решая невероятные научные задачи, третьи занимают некое промежуточное положение между первыми и вторыми. Таким образом, победа прогресса оказалась в определенной степени пирровой. Несмотря на самое ускоренное развитие науки и техники, ему так и не удалось преодолеть Доисторию.

Проект модерна благодаря именно развитию научно-технического прогресса на какое-то время создал достаточно благоприятные предпосылки для “выравнивания” исторического развития, дав шанс доисторическим народам приблизиться и по возможности даже начать осваивать пространство современной техногенной городской цивилизации. Но как оказалось, это было возможным только до тех пор, пока мир был равновесным, пока существовало два диаметральных системообразующих центра – США и СССР, где США воплощали приоритеты капиталистической системы, Советский Союз, соответственно, отстаивал преимущества социализма как контркапиталистического проекта. Страны, которые тогда принято было называть развивающимися, получали поддержку с обеих сторон.

Смена на стыке тысячелетий модернистской парадигмы развития на постмодернистскую привела к глубочайшим мировоззренческим сдвигам, что моментально проявило себя на всех уровнях социального бытия. Если еще недавно вопрос о переходе от авторитарно-тоталитарных форм устройства к демократическим мыслился на основе формационного универсализма (закономерной общественной эволюции, не считающейся с какими бы то ни было расовыми, этническими, географическими барьерами), то теперь возобладали цивилизационная парадигма, открывающая дорогу монополюльному присвоению понятий “демократия”, “свобода”, “гражданское общество” западной цивилизацией в качестве их единственного аутентичного истолкователя и носителя. Демократическое неприятие тоталитаризма обернулось неприятием незападных цивилизаций, как находящихся под подозрением в силу самой их природы.

Включился процесс, в рамках которого все те, кто в силу объективных обстоятельств не мог самостоятельно обеспечить себе перспективу долгосрочного процветания, но в то же время не был приглашен в “европейский дом” и индустриальное общество по соображениям плохо скрываемой сегрегации, начали поиски своего пути в будущее. В сложившихся условиях акцент с заемной цивилизационной программы сместился на собственные проекты, в той или иной степени подкорректированные в духе времени. Не будучи уверен-

ными в возможности настигнуть ускользающее, ненадежное, приватизированное Западом будущее, многие народы были вынуждены сделать ставку на свое надежное прошлое – в духе футуроархаики.

Когда речь заходит о типологии этнических общностей, как правило, выделяют род, племя, народность и нацию. Главным принципом внутривидовой и межвидовой коммуникации выступает принцип родства (крови). В межплеменных отношениях уже начинает учитываться территориальный фактор, который на уровне народности становится определяющим. Что же касается нации, то в этом случае фактор крови практически игнорируется полностью. На первый план выходят факторы общности территории, истории, идеологии. Особое внимание хотелось бы обратить на роль государства в процессе становления наций. Многие помнят еще со школьной скамьи, что только в процессе построения собственного государства государствообразующий этнос обретает черты и свойства нации.

Отличительной особенностью второй половины XX и начала XXI вв. явилось интенсивное усложнение политической карты мира, обусловленное появлением на ней целого ряда вновь образованных суверенных государств, возникших как в результате распада колониальной системы Запада, так и в результате развала системы так называемого социалистического лагеря. Все эти вновь образованные субъекты международной политики, в опорной структуре которых зачастую отсутствуют основные “несущие элементы конструкции” в виде реальных государственных опор, тем не менее, опираясь на формальный политический суверенитет и демонстрируя еще целый ряд формальных же признаков независимого государства, пытаются делать собственную внутреннюю и внешнюю политику. Мнения ведущих теоретиков по этому поводу в целом совпадают: мало кто из них говорит об активизации глобального процесса возникновения новых наций-государств, в большинстве случаев речь идет о “параде этносouverенитетов”.

Тенденция эта вовсе не случайна, не объективна и носит отчетливый технологический характер. Трудно не согласиться с мнением А.С. Панарина, в свое время утверждавшим, что “новейший либерализм (читай – глобализм) не только совершил предательство по отношению к Просвещению, пойдя на потакание инстинкту в его борьбе с нравственным разумом; он предал Просвещение, пойдя на потакание этносепаратизму” [2, с. 167]. Такое положение вещей Панарин увязывает со стратегическим замыслом сегодняшних мировых элит, справедливо считая, что оспаривать американский однополярный порядок на деле способны

только крупные государства, которые в свою очередь все являются полиэтническими. Отсюда вывод – “спровоцировав племенного демона на бунт против “империи”, можно дестабилизировать и в конце концов разложить крупные государства, оставив единственную сверхдержаву в окружении мира, представленного исключительно малыми и слабыми странами” [3, с. 167].

Чтобы, наконец, понять, как и каким образом в условиях глобализации раскрываются сущности тех или иных этносов, и как знания об этих процессах используются ангажированными политтехнологами для реализации определенных целей, зададимся рядом, на первый взгляд, несколько отвлеченных вопросов.

Чего на нашей планете больше – этносов или государств? государств или империй? империй или цивилизаций? Очевидно, в первом случае ответ будет – этносов, во втором – государств, в третьем – империй. Если отобразить эту логику математической схемой, она будет выглядеть следующим образом: этносы > государства > империи > цивилизации. Смысл, ею раскрываемый, заключается в следующем: в основании процесса формирования государства как социально-политического образования, империи, как политико-культурного образования и цивилизации, как культурно-исторического образования, как правило, стоят определенные этносы, поставить знак равенства между которыми невозможно по определению.

По мысли Брудного, отношение человека к миру может быть охарактеризовано как понимание. Проведем прямую аналогию и попытаемся с помощью понимания как принципа отношения к миру разобраться как народы, представляющие разные формы социально-исторических интеграций, воспринимают мир. А.А. Брудный считает, что “...процесс понимания протекает в трех автономных когнитивных полях. В одном из них представлена окружающая реальность и доминирует представление “есть – нет”. Во втором поле совершаются счетные, логические, доказательные операции, и главное противопоставление “правильно – неправильно”. В третьем, нарративном, главное – это движение в пространстве возможностей и как оно складывается. Здесь происходит понимание повествовательных текстов и реализуется противопоставление “хорошо – плохо”. В первом поле “что есть, то и доказано”, во втором – “что доказано, то и есть”, а в третьем поле “что рассказано, то и есть”. Причинность в поле 3 как бы ослаблена, разнообразна, она – не более чем пусковой толчок к течению событий; да и вообще причины часто никак не заявлены, не объяснены” [1, с. 109].

Брудный утверждает, что “...для менталитета, уходящего корнями в древность, – мир легенд и сообщений о действительности, понимание происходит в поле 3” [1, с. 109]. Несколько нарушая его логику, проведем еще одну неожиданную аналогию – сопоставим данные когнитивные поля с разными периодами исторического развития: первое поле (а не третье) – доистория, второе поле – история (модерн), третье поле – постистория (постмодерн). Таким образом, выстроенная ранее схема становится весьма прозрачной. “Мертвая петля” современного глобализма, пытающегося столкнуть человечество на путь футуроархаики (прошлого как будущего), стремится сместить мировосприятие современного человека именно в третье поле.

Делается это просто – через смешение смыслов. Причем не просто смыслов, а смыслов бытия. Эпоха модерна как эпоха прогресса тяготела к созданию крупных исторических субъектов – больших государств, представляющих единое большое экономическое, правовое, информационно-образовательное пространство. “Научные знания, которым модерн обязан самыми блестящими своими достижениями, – экономика, социология, юриспруденция – определились как процедуры открытия единых гражданских универсалий, безразличных к этнической специфике и другим “традиционным” различиям людей. Казалось бы, этот тип решения человеческой судьбы и идентичности не подлежит пересмотру, но обнаружилось, что и в этой сфере неожиданный конфликт постмодерна с модерном дал рецидивы архаики, находящие себе алиби в самых модных и “передовых” теориях и течениях современности” [3, с. 168].

Произошло онтологическое смещение направленности исторического процесса от вертикали векторного прогресса к горизонтали броуновской динамики, которая и есть не что иное, как наступающий на человечество хаос. Еще одна цитата из Панарина, как заключительный аккорд, логически завершающий приведенную ранее мысль о демонтаже больших национальных государств посредством этносепаратизма перед лицом единственной сверхдержавы: “...И здесь мы наблюдаем загадочную встречу спонтанного хаоса, связанного с ослаблением прежних цивилизационных синтезов, со стратегическим заказчиком на управляемый хаос” [3, с. 167].

Понятие “хаоса” имеет ряд определений, но что касается социокультурного уровня бытия человека, то здесь интерпретация может быть только одна – это смешение смыслов бытия. В рамках спонтанного хаоса смыслы могут быть “перемешаны” в результате воздействия неких действительно объективных факторов. Когда же речь идет о хаосе

управляемом, фактор только один – разумная воля стратегического заказчика. Если конкретизировать механизм данной хаотизации, картина складывается приблизительно следующая.

Этносы с цивилизационным, имперским или даже просто с государственным мышлением отличаются от носителей собственно этнического (родоплеменного) мировоззрения прежде всего способностью к созданию консолидирующих конструктивных смыслов, позволяющих сплотиться народу не только внутри себя, но и привлечь “на свою сторону” иноплеменных и иноязычных. Привлекательность же созданных ими смыслов заключается в открываемой перспективе дальнейшего развития, возможно даже победоносного. Иными словами, способность делать “своими” даже “чужих”. Такая способность выступает мощным противодействием силам Хаоса. Что же касается так называемых доисторических народов (этносов), то их основная характеристика – имманентная разобщенность, когда в силу тех или иных обстоятельств даже “свой” зачастую воспринимается как “чужой”. Отсюда – междоусобицы, неспособность к объединению, часто самоизоляция и почти всегда регресс. Неспособные к развитию сами они, как правило, мешают развитию остальных, усиливая потенциал Хаоса.

Именно их имел в виду русский мыслитель И.А. Ильин, который еще в середине XX в. писал: “... всплывают новые силы – новые диктаторы, новые классы, новые нации. Эти диктаторы принадлежат к полуинтеллигенции, думают упрощающе, не ведают ни правосознания, ни чувства ответственности, но одержимы волею к необузданной власти. Эти новые классы не имеют ни малейшего представления о религии, о душе и о культуре; они ценят только технику и власть и покупают себе власть ценой холопского подчинения; сами застрашенные они умеют править только страхом; из зависти рожденные, они разумеют только то, что ее насыщает. Эти новые национальности, не имеющие истории, не выносившие ни творческого созерцания, ни духовного акта, раздвигают и разлагают культурных соседей, с тем, чтобы занять их место и водворить духовно-культурную пустоту –

свое ничтожество – на место прежних духовных садов и виноградников. Мир длится и дробится, от этого слабеет и выходит навстречу величайшей опасности в состоянии бессилия” [4, с. 19].

Однако вернемся к смыслам. Используя метафору, можно сказать, что подобные народы живут не на уровне Бытия, а на уровне быта. И если смысл, по Брудному, не аналогичен целеполаганию и долженствованию, а он есть Предназначение и Направление, сопоставимое с ростом ребенка, беременностью, приходом весны за зимой, то все акторы великой драмы жизни от племен до империй уравниваются. Л. Гинзбург не разделяла этой точки зрения. Она разводила “земные вопросы” и “большой смысл”. “Классический пример отсутствия смысла, – писала она, – это бытовые дела. Мы тут создаем порядок, чтобы его разрушить, производим движения, чтобы стоять на месте. Нет, кажется, лучшего символа бесцельности бытия, чем мытье посуды” [5, с. 288]. К сожалению, сегодня представители очень разных культур и народов, включая европейские, замечательно укладываются в формулу “мытья посуды”, но все-таки хочется верить, что человечеству удастся прорваться через заслон архаики и отстоять свое право на завтрашний день.

А закончить хочется словами Арона Абрамовича Брудного: “Процесс, который создал человека, продолжает его изменять. Я не рискну назвать это изменение совершенствованием: никто не знает, станет ли человечество в будущем лучше. Но оно станет иным”.

Литература

1. *Брудный А.А.* Пространство возможностей / А.А. Брудный. Бишкек, 1999
2. *Панарин А.С.* Искушение глобализмом / А.С. Панарин. М., 2003.
3. *Панарин А.С.* Народ без элиты / А.С. Панарин. М., 2006.
4. *Ильин И.А.* Почему мы верим в Россию / И.А. Ильин. М., 2006.
5. *Гинзбург Л.* Человек за письменным столом / Л. Гинзбург. Л., 1989.